

Источник: MM. Riou et de Montauy/Wikimedia Commons/PD

Водородный аэростат «Виктория» пролетает над Занзибарским проливом. Иллюстрация Эдуарда Риу и Анри де Монто к первому изданию романа Жюль Верна «Пять недель на воздушном шаре». 1863 год.

НАУКА В ФАНТАСТИКЕ: ЭПИЗОДЫ ИСТОРИИ

Антон ПЕРВУШИН.

Современная фантастика появилась и развивалась как литература, популяризирующая достижения прогресса. Во второй половине XIX века её авторы всё чаще стали «заглядывать» в будущее, рисуя утопические картины миров, в которых разум решительно преобразует природу, подчиняя её своим интересам. Большинство писателей при этом отпускали на волю воображение, придумывая вымышленные цивилизации в опоре на собственные представления о «прекрасном». Однако новое поколение фантастов, начавших публиковаться на рубеже веков, осознало, что футурологические концепции требуют строгого подхода, а конструирование миров должно опираться на научные методы.

СКАЗКИ О БУДУЩЕМ

Литературные жанры подчиняются определённым правилам, которые формируют их границы. Что это за правила? Французский философ Жан-Мари Шеффер в книге «Что такое литературный жанр?» (Qu'est-ce qu'un genre littéraire? 1989) установил, что проблема жанрового деления в искусстве остаётся острой только для литературы и поэзии, поскольку они «образуют отдельные области внутри единого, более обширного пространства словесных практик, не все из которых являются художественными». По мнению Шеффера, попытки уложить всё это многообразие в некую жёсткую схему заводят в тупик. Он предложил своё определение жанра как условного, исторически и культурно изменчивого знака, в котором означающим служит «жанровое имя» (nom de genre), а означаемым — «жанровое понятие» (généricité), и отношения между этими двумя компонентами определяются актуальным «договором» между писателем и читателем, подобно значению любого другого условного знака.

Пользуясь идеей Шеффера, можно сказать, что жанровое имя «фантастика» появилось в начале XIX века, когда

распространённый приём введения в повествование чудесного, небывалого, невозможного превратился в метод, соединяющий заведомый вымысел с реалистическим антуражем, а сказка стала полноценной художественной литературой, опирающейся на психологическую и событийную достоверность. На оформление жанрового понятия потребовалось время, и, конечно, не обошлось без апелляции к науке, достижения которой становились известны всё большему числу людей.

Вероятно, первым, кто попробовал сформулировать жанровое понятие, был английский поэт Уильям Уилсон. В «Небольшой серьёзной книжке на великую старую тему» (A Little Earnest Book upon a Great Old Subject: With the Story of the Poet-Lover, 1851) он дал общее описание литературного направления, которое назвал «научной фантастикой» (Science-Fiction): «Мы надеемся, что пройдёт совсем немного времени, прежде чем у нас появятся... произведения научной фантастики, поскольку мы считаем, что такие книги, вероятно, послужат благой цели, вызывая интерес [к науке] там, где, к несчастью, наука сама по себе может потерпеть неудачу. [Томас] Кэмпбелл говорил, что „вымысел в поэзии — не обратная сторона правды, а её мягкое и чарующее подобие“. Сейчас то

Предыдущий очерк см. «Наука и жизнь» № 1, 2024 г.

Французский романист и отец научной фантастики Жюль Габриель Верн (1828 — 1905) с супругой Онориной.

Иллюстрация неуставленного автора к некрологу из журнала «L'illustration» от 1 апреля 1905 года.

же самое можно сказать о научной фантастике, соединяющей открытия науки с увлекательной историей, которая сама по себе может быть лирической и правдивой, — таким образом распространяется знание о поэтичности науки, облачённое в одеяние поэзии жизни».

Похожие соображения мы находим и в совместном литературном «Дневнике» братьев Жюль и Эдмона де Гонкуров (*Journal des Goncourt. Mémoires de la vie littéraire*) — в записи о творчестве Эдгара По от 16 июля 1856 года: «То, чего критики ещё не заметили: новый литературный мир, предвестие литературы XX века. Научная фантастика, фабула, основанная на принципе А + В; литература болезненная и как-то до прозрачности ясная... Воображение выверено анализом... Вещи играют более значительную роль, чем люди; любовь уступает место дедукции и тому подобным источникам мыслей, фраз, сюжетов и занимательности; основа романа переместилась от сердца к голове, от чувства к мысли; от драматических столкновений к математическим выкладкам».

Суждения Уилсона и братьев де Гонкур выглядят вполне современными сегодня, но в середине XIX века они остались

незамеченными по той причине, что ещё не набралось достаточно обширного корпуса текстов, которые соответствовали бы жанровому понятию. Впрочем, они вскоре появились: в январе 1863 года был опубликован роман «Пять недель на воздушном шаре» (*Cinq Semaines en ballon*) — первое большое произведение французского писателя Жюль Верна, которого ныне называют отцом научной фантастики. В этом романе он обратился к почтенной традиции «воображаемых путешествий», дополнив её введением фантастического изобретения — аэростата, наполненного водородом, который добывается из воды электролизом, за счёт чего можно подняться на высоту 3,7 км и в случае хорошего попутного ветра разогнаться до 150 км/ч. Интересно, что на страницах романа Верн обсуждает перспективы межпланетных перелётов, хотя и в шуточной манере. Успех «Пяти недель...» определил дальнейший творческий путь французского писателя: он начал работу над большой серией произведений, получивших издательское название «Необыкновенные путешествия» (*Voyages extraordinaires*), в которых можно найти не только реалистичные приключения, но и описания технологичного будущего: снаряда для полёта на Луну; подводной лодки, способной долго оставаться в погружённом состоянии; летательного аппарата тяжелее воздуха и тому подобное. Верн не считал, что пишет фантастику, называя свои романы «научными» или «географическими». Тем не менее в интервью, которое взяла английская журналистка Мари Беллок поздней осенью 1894 года, он утверждал: «Когда я писал свою первую книгу, „Пять недель на воздушном шаре“, то выбрал местом действия Африку по одной простой причине: этот континент был и остаётся наименее изученным. Тут меня осенило: самым оригинальным способом изучения этой части света будет полёт на воздушном шаре. Я получал огромное

удовольствие, сочиняя роман; добавляю, что не меньшее удовлетворение приносил поиск необходимого материала. С тех пор я всегда придерживался правила: даже самую фантастическую из своих историй излагать как можно реалистичнее... Когда я выдумываю какой-нибудь научный феномен, то всегда стараюсь, чтобы он выглядел как можно правдоподобнее и проще. Что же касается точности моих описаний, я обязан ею в значительной мере тем, что, прежде чем взяться за сочинение романа, мне приходится делать множество выписок из любых попадающихся на глаза книг, газет, журналов или научных отчётов». То есть Верн понимал, что его истории фантастичны, но полагал, что благодаря наукообразию они выглядят «правдоподобными».

Другой знаменитый писатель — англичанин Герберт Уэллс — с какого-то момента вообще дистанцировался от нового жанра, утверждая, что его тексты основаны на более почтенной — сказочной — традиции. В предисловии к сборнику «Научные романы» (The Scientific Romances of H. G. Wells, 1933) он сообщал: «Литературные обозреватели склонны были даже называть меня английским Жюлем Верном. На самом деле нет решительно никакого сходства между предсказаниями будущего у великого француза и этими фантазиями. В его произведениях речь почти всегда идёт о вполне осуществимых изобретениях и открытиях, и в некоторых случаях он замечательно предвосхитил действительность... Но мои истории, собранные здесь, не претендуют на достоверность; это фантазии совсем другого рода. Они принадлежат к тому же литературному классу, что и „Золотой осёл“ Апулея, „Правдивая история“ Лукиана, „Петер Шлемиль“ [Адельберта фон Шамиссо] и „Франкенштейн“ [Мэри Шелли]... Всё это фантазии, их авторы не ставят себе целью говорить о том, что на деле может случиться: эти книги ровно настолько же убедительны, насколько убедителен хороший, захватывающий сон. Они завладевают нами благодаря художественной иллюзии, а не доказательной аргументации, и стоит закрыть книгу и основательно поразмыслить, как

понимаешь, что всё это никогда не случится... Фантастический элемент, необычное явление или странный мир используются только для того, чтобы вызвать и усилить наши естественные эмоции — удивление, страх или недоумение».

Однако, как отмечают исследователи творчества Уэллса, когда он писал свои главные романы, вошедшие в упомянутый сборник: «Машина времени» (The Time Machine, 1895), «Остров доктора Моро» (The Island of Doctor Moreau, 1896), «Человек-невидимка» (The Invisible Man, 1897), «Война миров» (The War of the Worlds, 1897—1898), «Первые люди на Луне» (The First Men in the Moon, 1900—1901), «Пища богов» (The Food of the Gods and How It Came to Earth, 1904) и «В дни кометы» (In the Days of the Comet, 1906), то говорил, что не описывает «ничего невозможного» и движется «по пути, пролагаемому наукой». Формально Уэллса можно назвать

Английский прозаик Герберт Джордж Уэллс (1866—1946) утверждал, что пишет «научные» романы. Фотопортрет неустановленного автора. 1922 год.

Источник: The Story of the House of Cassell. London: Cassell and Company, Ltd., 1922.

фантастом в более строгом смысле, чем Жюль Верн, ведь французский классик не искал новых научных идей, а описывал техническое воплощение старых, занимаясь по сути популяризацией актуальных достижений прогресса. Уэллс, напротив, старался заглянуть в будущее как можно дальше, детализировать его, опираясь на ожидания образованных современников и учитывая возможные ошибки прогнозирования. Его отказ стать одним из отцов фантастики ещё более усложнил проблему литературных дефиниций.

Однако мы помним, что, согласно Шефферу, отношения между жанровыми именами и понятием определяются умозрительным договором между читателями и писателями, поэтому раньше или позже фантастика под давлением общественного спроса должна была обрести черты, типичные только для неё и опознаваемые любым, кто сведущ в литературе.

ФАНТАСТИКА ПО КАНТУ

В 1897 году веймарское отделение издательства Эмиля Фельбера выпустило двумя томами большой фантастический роман «На двух планетах» (Auf zwei Planeten) Курда Лассвица. Автор не был новичком в литературе, и немецкие читатели хорошо знали его как философа и популяризатора науки.

Курд, сын Карла Вильгельма Лассвица, предпринимателя и члена Германской прогрессивистской партии, получил превосходное образование в университетах Бреслау и Берлина, где изучал математику и физику. В 1873 году он получил докторскую степень с отличием за диссертацию «О каплях, висящих на твёрдых телах и подвергающихся действию силы тяжести» (Über Tropfen, welche an festen Körpern hängen und der Schwerkraft unterworfen sind). Хотя выбранная тема была весьма специфической, Лассвиц не удержался от обобщений, не имеющих прямого отношения к исследованию, заявив, что естествознание само по себе содержит значимый поэтический элемент и его можно и должно популяризировать. Он собирался продолжить научную работу и стать профессором, но его либеральные взгляды встретили резкое неприятие

Немецкий писатель, педагог и автор «научных сказок» Карл Теодор Виктор Курд Лассвиц (1848—1910). Фотопортрет работы Иоганна Линднера. 1903 год.

Источник: Nord und Süd. Eine deutsche Monatsschrift. Breslau: Schlesische Buchdruckerei, Kunst- und Verlags-Anstalt v. S. Schottlaender, 1903.

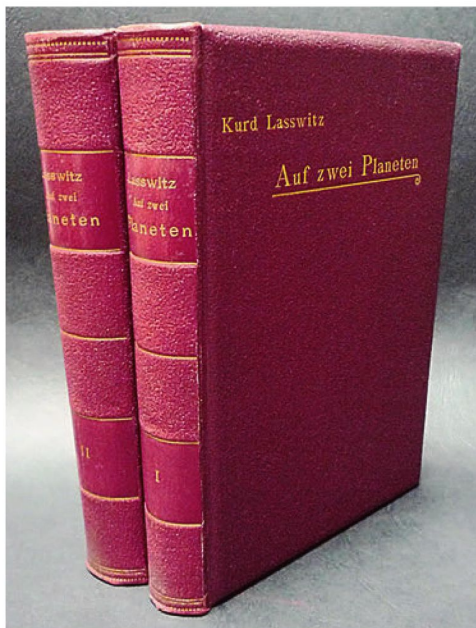
старших коллег, и в 1876 году Лассвиц с молодой женой переехал в город Гота (Тюрингия), где преподавал в местной гимназии; одним из его учеников стал будущий фантаст Ганс Доминик.

Лассвиц был поклонником философских идей Иммануила Канта и однажды пересказал их в виде отдельного труда «Учение Канта об идеальности пространства и времени» (Die Lehre Kants von der Idealität des Raumes und der Zeit im Zusammenhange mit seiner Kritik des Erkennens allgemeinverständlich dargestellt, 1883). Он не воспринимал систему взглядов кёнигсбергского мыслителя как нечто оторванное от практики, поэтому для Лассвица принципиальное значение имели четыре вопроса, на которые, по мнению Канта, должна отвечать философия: что я могу знать; что я должен делать; на что я могу надеяться; что такое человек? Ответы на три из них определяют область доступного для нас знания и способы исследования того,

что находится за его пределами, область нашей деятельности в преобразовании мира с опорой на мораль и нравственность, а также область будущего, которое возникнет из наших действий. Четвёртый вопрос, посвящённый человеку, Кант рассматривал отдельно и доказывал, что мы со своими слабостями и предрассудками, которые почти не меняются от эпохи к эпохе, всё-таки можем быть разумными и нравственными существами, а иногда действительно становимся ими.

Будучи педагогом, Лассвиц распространял идеи Канта не только пересказывая их в облегчённом виде. Довольно рано он начал писать сказочные и фантастические новеллы, в которых философские рассуждения помещались в вымышленный антураж. К примеру, в 1871 году, то есть до защиты диссертации, в прессе появился его рассказ «До нулевой точки бытия» (*Bis zum Nullpunkt des Seins*). Действие происходит в 2371 году — человечество наслаждается плодами прогресса: широко используется воздушный транспорт; люди живут в небоскрёбах, поскольку большая часть земель отдана под сельское хозяйство; климат подчинён воле «изготовителей погоды»; искусство стало особенно изощрённым, воздействуя на все органы чувств, а научная работа превратилась в повседневное хобби.

Хотя рассказ написан в иронической манере, пародирующей типичные клише утопических сочинений того времени, Лассвиц проводил важную мысль: прогресс нельзя рассматривать как достижение исключительно разума, он требует работы души. «Перед нами контраст, который заложен глубоко в природе человека, который существовал всегда, будет существовать вечно и который в настоящее время проявляется именно в такой форме... Неугасимая борьба, вызванная совершенно разными идеалами, ведётся двумя партиями — „трезво мыслящих" и „пылких мечтателей". Первые — худшие из фанатиков, и, постоянно рассуждая о том, что им приятно называть точкой зрения трезвого размышления, они лгут. Их внутренняя установка несовместима с теми высшими вдохновениями души, которая принимает жизнь такой, какой она

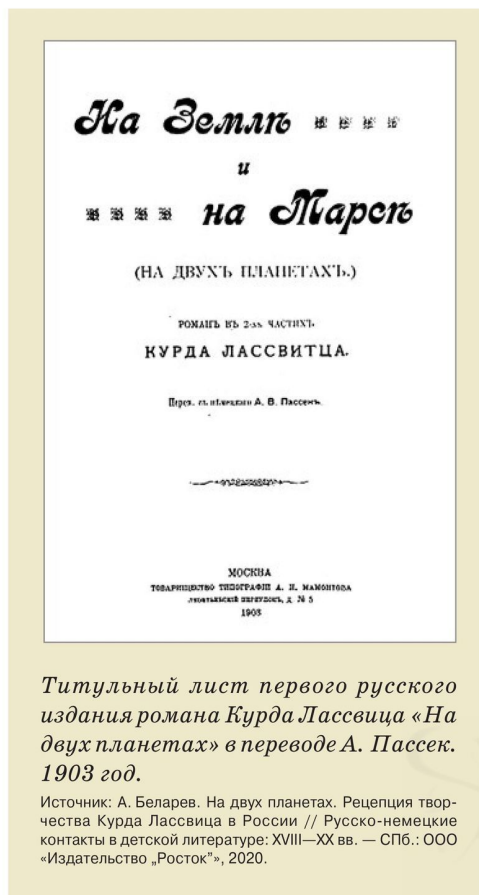
Источник: Woodland987/Wikimedia Commons/CC BY-SA 4.0

Оригинальное двухтомное издание романа Курда Лассвица «На двух планетах». 1897 год.

должна быть, а не холодно анализирует её такой, какая она есть».

Кантовская идея, что познание и основанное на нём преобразование мира не могут быть оторваны от человеческого духа, несмотря на сковывающее влияние эмоций и предрассудков, стала центральной в творчестве Лассвица. Но она же и давала ему основания для развития (более осознанного, чем в случаях Верна и Уэллса) фантастического жанра, который он называл современными или научными «сказками» (*wissenschaftliche Märchen*). В письме к своему другу и издателю Гансу Линдау от 28 мая 1903 года Лассвиц охарактеризовал соотношение науки и фантазии в своём творчестве следующим образом: «Я могу писать „научные" сказки, то есть именно научное содержание облекать в поэтическую форму, но не для того, чтобы познавать, а для того, чтобы, насколько это в моих силах, создавать произведения искусства. Нужно всегда точно знать, где ты фантазируешь, а там, где ты исследуешь, ты не имеешь права фантазировать».

Впрочем, Лассвиц не считал науку значимее литературы и делал вывод, что

Титульный лист первого русского издания романа Курда Лассвица «На двух планетах» в переводе А. Пасек. 1903 год.

Источник: А. Беларев. На двух планетах. Рецепция творчества Курда Лассвица в России // Русско-немецкие контакты в детской литературе: XVIII—XX вв. — СПб.: ООО «Издательство „Росток“», 2020.

человеческое мировоззрение должно формироваться на обеих основах. Искусство в отличие от научной деятельности позволяет достичь «высшей реальности», проектируя идеал, к которому следует стремиться. Прогресс сам по себе не способен создать гармоничную культуру — необходимо выявлять «этическую силу технического», показывая положительные следствия внедрения достижений науки для нравственной эволюции человечества. В эссе «О мечтах о будущем» (*Über Zukunftssträume*, 1900) Лассвиц утверждал: «Достижения в области технологий научили нас быть добросовестными. Здесь возникают проблемы, которые поэт может осветить по-новому — через соприкосновение человека с укрощённой природой, и не нужно даже напрягать воображение, чтобы написать героические произведения, где дерзкий исследователь преодолевает ужасы полярной ночи или жертвует жизнью ради

изучения инфекционных заболеваний... А теперь представьте себе ситуации, которые могут сложиться в ходе мыслимого развития технологий, расширения сфер жизни и деятельности за счёт завоевания воздушного пространства и, возможно, даже космоса!.. Почему бы не использовать напрямую лучистую энергию для обеспечения нас пищей и производительной силой без посредничества растений? Какие социальные преобразования с этим будут связаны, насколько станет легче жить? Конечно, борьба за существование сохранится всегда. Но по мере того как грубое право сильного постепенно превращается в государственные законы, она будет перенесена в духовную область, поднявшись таким образом на более высокую благородную ступень... Вырастет поколение сильных и тонко мыслящих людей — поколение, которое превзойдёт нас в ловкости ума, в умении смотреть на сложные обстоятельства с душевным спокойствием... Тот, кто может быстро соображать, кому на умственную работу нужны не дни, а несколько секунд, тот будет способен справиться со своими страстями, а зачастую и со своими слабостями... Интеллектуальная сила превратится в моральное качество — рассудительность. В этой взаимосвязи всего человеческого существа с техническим прогрессом дремлют и новые эстетические задачи. Каждое великое деяние, совершённое человеком в овладении стихиями, окутывает его нимбом возвышенного... Поэтому технические достижения будущего, о которых я мечтаю, — это бесконечная область наслаждения чистым эстетическим удовольствием в осознании того, что вечная свобода разума победоносно преодолевает ограничения природы, а её духовное солнце ярко освещает тьму узости нашей деятельности».

Лассвиц понимал, что публицистические рассуждения на тему литературы будущего и о будущем необходимо подкрепить примером. Роман «На двух планетах» должен был стать образцовым фантастическим произведением, в котором старое сталкивается с новым и последнее выходит победителем из неизбежной схватки, но не за счёт превосходства технологий,

а за счёт более высоких морально-нравственных установок.

Надо сказать, что в период, когда Ласвиц писал свой роман, значительная часть научного сообщества верила, что Марс древнее Земли, пригоден для жизни и населён более высокоразвитыми разумными существами, которые построили глобальную сеть каналов для орошения своей пустынной планеты. Конечно, были и скептики, которые считали ирригационную систему марсиан иллюзией, но их мнение не пользовалось популярностью среди любопытствующих профанов. Убеждённость в скором контакте с инопланетянами подогревалась и фантастами, описывающими быт соседней планеты в восторженных тонах. Все они помещали на Марс собственные представления об идеальном устройстве общества, причём зачастую весьма архаичные. Ласвиц не стал нарушать традицию, однако постарался через текст донести свои соображения о связи научного прогресса с совершенствованием человеческих взаимоотношений.

Сюжет вполне соответствовал канонам приключенческого повествования. Трое немецких учёных (астроном Грунте, естествоиспытатель Зальгнер и директор отдела научного воздухоплавания Торм) отправляются на воздушном шаре к Северному полюсу. Там они замечают искусственный остров. Но шар вдруг начинает вращаться, его увлекает вверх. Оказывается, он попал в антигравитационное «абарическое» поле (abarische Feld), созданное между островом и загадочной кольцевой «станцией», расположенной неподвижно над полюсом, на высоте радиуса Земли. Заметив вторжение людей, хозяева станции отключают поле, шар падает, и учёные становятся их пленниками. Выясняется, что марсиане, которые ушли вперёд по пути прогресса, давно вступили в эпоху межпланетных путешествий. Они построили космические корабли и развернули на земных полюсах

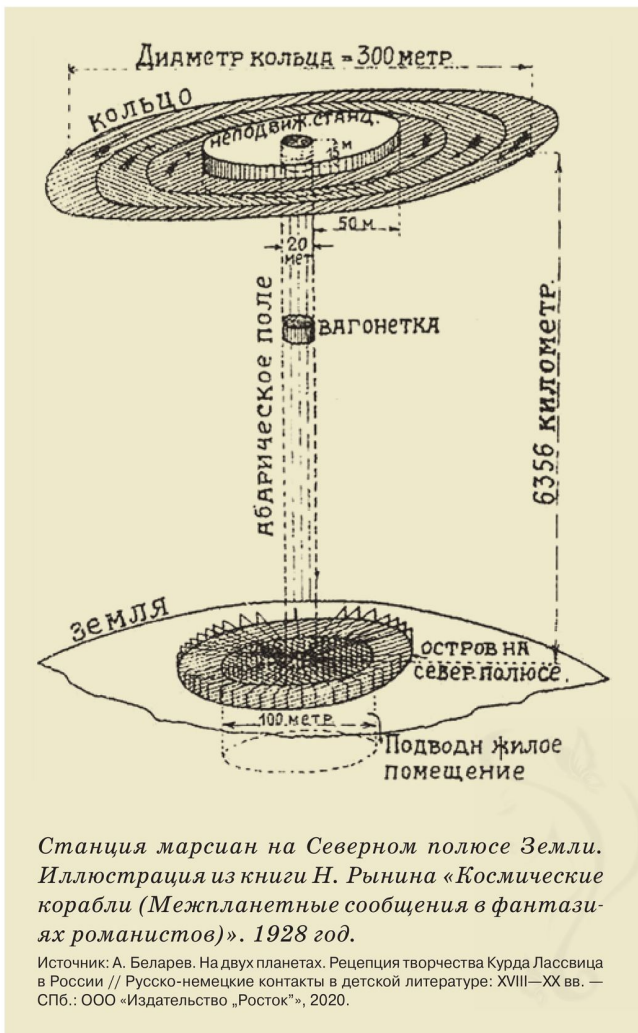
Обложка сокращённого советского издания романа Курда Ласвица «На двух планетах» в переводе С. Парнок и Б. Горнунга.

колонии. Марсиане добывают здесь солнечную энергию и собираются вступить в контакт с передовыми державами. Постепенно автор раскрывает загадку личности организатора полярной экспедиции — Фридриха Эля, отцом которого был пришелец с Марса, потерявший связь со своим кораблём и оставшийся на Земле. Эль снарядил полярную экспедицию, рассчитывая найти соплеменников.

Общество марсиан — нумэ (Nume) — представляет собой единую конфедерацию народов, подчинённых культуре наиболее развитой марсианской нации, населявшей некогда южное полушарие соседней планеты. Именно эта нация взяла на себя функцию преобразователя бесплодных пустынь, построив сеть каналов. Марсиане живут в условиях высокого комфорта. Их обслуживают многочисленные хитроумные автоматы. Они победили голод, научившись производить синтетическую пищу. Транспортная проблема решена за счёт самодвижущихся дорог. Крупные города стали анахронизмом, поскольку большинство марсиан предпочитают селиться в коттеджах, в окружении садов и парков. Они давно не

Рисунок С. Пожарского. 1925 год. Источник: fantlab.ru

Станция марсиан на Северном полюсе Земли. Иллюстрация из книги Н. Рынина «Космические корабли (Межпланетные сообщения в фантазиях романистов)». 1928 год.

Источник: А. Беларев. На двух планетах. Рецепция творчества Курда Лассвица в России // Русско-немецкие контакты в детской литературе: XVIII—XX вв. — СПб.: ООО «Издательство „Росток“», 2020.

вели войн, но достаточно умны, чтобы в случае крайней нужды использовать антигравитационные аппараты как оружие. Впрочем, все эти достижения не являются самоцелью; идеал нумэ — внутренне свободная личность, избирающая следование нравственному закону, а высочайший уровень их цивилизации поддерживается равновесием между общественным и индивидуальным.

Свою миссию на Земле марсиане видят в том, чтобы оказать благотворное воздействие на ход человеческой истории, подняв нас до своего уровня. Однако добросердечные намерения натываются на непонимание и даже сопротивление со стороны людей. При этом земные нации разобщены, и когда Англия начинает боевые действия против марсианских

колонистов, к ней никто не спешит на помощь — она терпит сокрушительное поражение. Крупнейшие державы тут же начинают делить принадлежавшие англичанам колониальные владения, на Земле вспыхивает война, и марсианам приходится объявить своей вотчиной всю нашу планету, разоружив местные армии. В то же время прогрессивный дух, насаждаемый более развитой цивилизацией, быстро становится достоянием человечества. Земляне жаждут свобод и единства в борьбе с захватчиками. Повсеместно распространился лозунг «Марсианская культура без марсиан», а общественная организация космополитов, названная Лигой Человечества, возглавляет сопротивление режиму. Кончилось всё, разумеется, победой инженеров, которые сумели воспроизвести технологии марсиан и, построив тридцать воздушных кораблей, напали на полярные базы. Марсианам ничего не оставалось, как заключить мир с повзрослевшей Землёй.

Лассвиц, конечно, осознавал, что вера в реальность марсиан жидется на слабой научной основе. Более того, споры о сети каналов ничем не могут помочь нам хотя бы

умозрительно представить, как выглядят жители соседней планеты. Однако он полагал, что имеющихся знаний достаточно для введения обоснованных ограничений на полёт фантазии. В статье «Наше право на обитателей других миров» (Unser Recht auf Bewohner anderer Welten, 1910) он заявил: «Всё, что происходит в серьёзно задуманном романе, должно соотноситься с нашим собственным опытом, то есть с современными представлениями о законах природы и психологии, должно быть объяснимо и правдоподобно... Я твёрдо убеждён, что разумные существа обитают и на других планетах, однако считаю вероятным, что они могут сильно отличаться от нас. Сочинительство не может принять во внимание эту естественно-научную вероятность, но оно в ней

и не нуждается. Поскольку основные вещества и общие формы обмена энергией одинаковы по всей Солнечной системе, вполне возможно, что и органический мир... также повсюду развивался аналогичным образом».

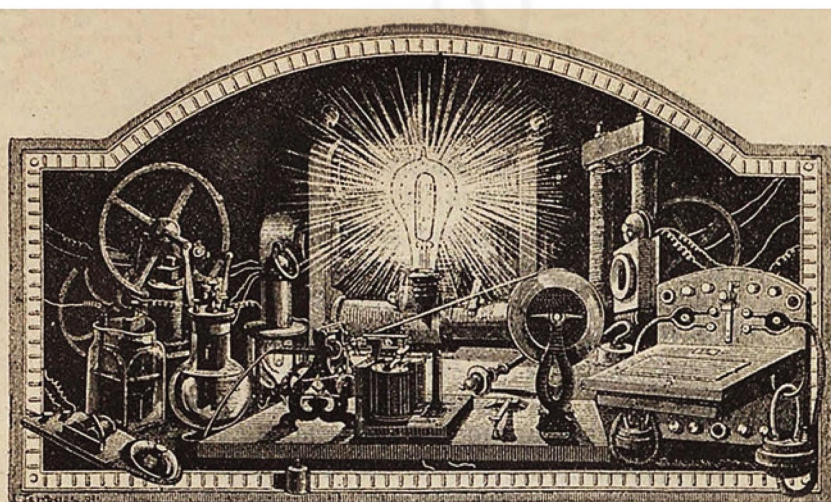
МАРСИАНСКАЯ УТОПИЯ

Лассвицу не слишком повезло с пропагандой неокантианских идей. В том же самом году, когда вышел роман «На двух планетах», популярные журналы начали публиковать с продолжением новое произведение Герберта Уэллса «Война миров», которое мгновенно приковало внимание публики. Марсиане, придуманные английским писателем, в отличие от нумэ не походили на людей и сразу после прилёта на Землю устроили настоящий геноцид. История тоже заканчивалась победой землян, но не из-за стремления к свободе, а благодаря болезнетворным микроорганизмам, выкосившим пришельцев подчистую.

Всё же «На двух планетах» заметили. К примеру, в 1898 году немецкий попу-

ляризатор Вильгельм Бёльше написал эссе «Естественно-научные сказки» (Naturwissenschaftliche Märchen), в котором сравнивал произведения Жюль Верна и Лассвица. В романе соотечественника Бёльше увидел не только продолжение традиции, заложенной Верном, но и независимое достижение германской литературы. Баланс научной и художественной убедительности, с точки зрения популяризатора, выгодно отличал Лассвица от французского коллеги.

Пик востребованности романа «На двух планетах» пришёлся на 1920-е годы, когда начал быстро расти интерес к проблематике межпланетных перелётов. Многие из немецких ракетчиков и энтузиастов космонавтики позднее признавались, что увлеклись этой тематикой после прочтения книги Лассвица. Прославленный конструктор Вернер фон Браун, создавший тяжёлые баллистические ракеты и американские ракеты-носители для полётов на Луну, даже написал небольшое предисловие к англоязычному изданию «На двух планетах» 1971 года: «Я никогда

Проф. Курдъ Лассвицъ.

Послѣ столѣтняго отпуска”.

Иллюстрация к рассказу Курда Лассвица «После столетнего отпуска», опубликованного в журнале «Вестник знания» (1905, № 4).

Источник: А. Беларев. На двух планетах. Рецепция творчества Курда Лассвица в России // Русско-немецкие контакты в детской литературе: XVIII—XX вв. — СПб.: ООО «Издательство „Росток“», 2020.

Иллюстрация к повести Курда Лассвица «В тумане тысячелетий». Оформление шмуцтитула в журнале «Мир приключений» (1910, № 10).

Источник: А. Беларев. На двух планетах. Рецепция творчества Курда Лассвица в России // Русско-немецкие контакты в детской литературе: XVIII—XX вв. — СПб.: ООО «Издательство „Росток“», 2020.

не забуду, с каким любопытством и волнением поглощал этот роман в юности... Из него читатель может получить представление о том богатстве идей на закате девятнадцатого века, на котором основан технический и научный прогресс века двадцатого. И он также даёт представление о захватывающих возможностях, открывающихся перед поколениями двадцать первого века, когда благодаря экспансии во Вселенную наши мечты и фантазии станут реальностью».

Немецкий фантаст нашёл своего читателя и в России. К началу XX века в нашей стране уже хорошо знали Жюль Верна и Герберта Уэллса, и спрос на литературу, популяризирующую науку, рос, поэтому переводили и других похожих авторов. Первое издание романа Лассвица на русском языке под названием «На Земле и на Марсе» увидело свет в 1903 году; со-

кращённый вариант также опубликовал журнал «Огонёк» в 1909 году. В периодике печатались его новеллы и повести: в 1880 году вышли «До нулевой точки бытия» (Bis zum Nullpunkt des Seins, 1871) и «Картины будущего» (Bilder aus der Zukunft, 1878); в 1905-м — «Зеркало мозга» (Der Gehirnspiegel, 1900), «После столетнего отпуска» (Die Fernschule, 1902) и «Пленная молния» (Der gefangene Blitz, 1902); в 1908-м — «Улыбка счастья» (Das Lächeln des Glücks, 1900); в 1909-м — «Школа на расстоянии» (Die Fernschule, 1902) и «Три гвоздя» (Die drei Nägel, 1902); в 1910-м — «В тумане тысячелетий» (Homchen, 1902) и «Звёздная роса» (Sternentau. Die Pflanze vom Neptunsmund, 1909). И так далее.

Россияне читали произведения Лассвица с удовольствием. Он воспринимался как педагог, детский прозаик и знаток науки, умеющий рассказывать о ней интересно. Его тексты переводил, комментировал и вставлял в свои книги знаменитый популяризатор Яков Исидорович Перельман. Но, пожалуй, самое значимое влияние проза Лассвица оказала на творчество известного философа-большевика Александра Александровича Богданова (Малиновского). Современные исследователи фантастики указывают на вполне определённое сходство описаний внешности и общества марсиан в его утопическом романе «Красная звезда» (1908) с образами нумэ, созданными воображением немецкого писателя.

Сюжет Богданова более прямолинеен, чем в романе «На двух планетах». Революционер Леонид Н. (альтер эго автора) сдружился с инженером и товарищем по партии Мэнни. Выясняется, что тот — марсианин, и он приглашает Леонида посетить соседнюю планету, чтобы познакомиться с культурой её жителей. На небольшом летательном аппарате они следуют в тайное убежище марсиан на Карельском перешейке, где их ждёт этеронеф (с греческого — «корабль для путешествия по эфиру»). Этеронеф перемещается в пространстве за счёт «минус-материи» (антигравитации) и за два с половиной месяца добирается до цели. Как и ожидалось, марсианское общество представляет собой коммунизм. Нетворческая работа

передоверена машинам, пролетарии давно исчезли как класс, превратившись в высококвалифицированных инженеров. Системы управления производством достигли такого совершенства, что стало возможным точно определять, на каком направлении деятельности переизбыток человеко-часов, а на каком — нехватка. При этом трудовое самосознание и ответственность перед обществом у марсиан столь развиты, что они могут тут же сменить место работы, восполнив нехватку. Соответственно, потребление у таких ответственных работников ничем не ограничено, а деньги давным-давно утратили какой-либо смысл.

Впрочем, у марсиан есть одна существенная проблема: грядёт истощение ресурсов планеты, обусловленное, прежде всего, размножением, которое марсианские коммунисты отказываются контролировать: «Сократить размножение? Да ведь это и есть победа стихий. Это — отказ от безграничного роста жизни, это неизбежная её остановка на одной из ближайших ступеней. Мы побеждаем, пока нападаем. Когда же мы откажемся

Источник: fantlab.ru

Обложка первого издания романа Александра Богданова «Красная звезда». 1908 год.

Источник: gorky.media

Российский учёный, революционный деятель, писатель-фантаст Александр Александрович Богданов-Малиновский (1873—1928) играет в шахматы с вождём мирового пролетариата В. Лениным (справа) в присутствии писателя М. Горького на острове Капри (Италия). Фотоснимок сделал Ю. Желябужский. 1908 год. РГАКФД/Росинформ.

от роста нашей армии, это будет значить, что мы уже осаждены стихиями со всех сторон. Тогда станет ослабевать вера в нашу коллективную силу, в нашу великую общую жизнь. А вместе с этой верой будет теряться и смысл жизни каждого из нас».

Проблему нужно решать, и один из путей — расселение по планетам Солнечной системы. Венера пока недоступна, а Земля заселена. Обсуждаются варианты: например, марсианин Стэрни, отличающийся «аналитически-холодным» умом, предлагает захватить и колонизировать Землю, но не по Лассвицу, когда землянам прививается более развитая культура, а, скорее, в духе Уэллса: «Колонизация Земли требует полного истребления земного человечества». К счастью, Стэрни встретил достойный отпор со стороны соотечественников. И вместо Земли колонисты отправляются на Венеру — преобразовывать бурный молодой мир, где в избытке есть «радирующая материя», в которой нуждаются энергетика и космонавтика Марса. Первую колонию планируется основать на Острове Горячих Бурь, и хотя марсиане понимают, что «будут большие жертвы», они идут на это во имя самобытной земной цивилизации.

«Красная звезда» произвела огромное впечатление на революционную молодёжь в России и стала, по сути, первой настоящей коммунистической утопией XX века, поспособствовав позже формированию советской идеологии и литературы. Отголоски романов Лассвица и Богданова можно найти в фантастических текстах отечественных писателей вплоть до конца 1960-х годов — например, в произведениях братьев Аркадия и Бориса Стругацких.

ПОНЯТИЕ ФАНТАСТИКИ

Хотя Лассвиц определял своё творчество как «сказку», он писал именно научную фантастику, а в своих эссе даже предвосхитил грядущие споры о её типичных признаках. Однако жанровое имя и жанровое понятие соединились позже — после его смерти в 1910 году.

В России зачинателем выступил всё тот же Яков Перельман, написавший допол-

нительную главу к роману Жюль Верна «Вокруг Луны» (*Autour de la Lune*, 1869) под названием «Завтрак в невесомой кухне», опубликованную на страницах журнала «Природа и люди» в апреле 1914 года с подзаголовком «Научно-фантастический рассказ».

Общепотребимым жанровое имя стало благодаря нью-йоркскому издателю Хьюго Гернсбеку, который в самом первом номере журнала «*Amazing Stories*» за 1926 год сообщал: «Под научной фантастикой [*scientifiction*] я понимаю литературу в духе Жюль Верна, Герберта Уэллса и Эдгара Аллана По — романтические истории, переплетающиеся с научными фактами и пророческими видениями... Мало того, что эти удивительные сказки представляют собой чрезвычайно интересное чтение — они ещё и всегда поучительны. Они дают сведения, которые мы не смогли бы получить иначе, предоставляя их в очень привлекательной обёртке. Лучшие из современных авторов научной фантастики обладают способностью делиться знаниями и своим вдохновением, ни разу не давая понять, что нас учат... Потомки будут указывать на них как на тех, кто проложил новый путь не только в литературе, но и в прогрессе». В 1929 году, основывая новый журнал «*Science Wonder Stories*», Гернсбек решил отказаться от придуманного ранее термина «*scientifiction*» в пользу более изящного — «*science fiction*». Следует отметить, что для самого Гернсбека немецкий был родным языком, и он был хорошо знаком с творчеством Лассвица. Вероятно, изобретённые им термины «*scientifiction*» и «*science fiction*» — адаптация немецкого понятия «научная сказка».

Фантастика наконец-то обрела свою нишу в художественной литературе. Очень скоро она породит множество текстов самого разного уровня: от откровенно халтурного шлака до настоящих шедевров, которые признают классикой. Но всегда — в годы подъёма и в годы упадка — фантастика будет придерживаться правила, сформулированного Курдом Лассвицем, — выявлять этическую силу научного познания и технического прогресса.